

И.В. Омелянчук

Русский консерватизм начала XX века в поисках партийного самоопределения

До конца XIX столетия русский консерватизм представлял собой лишь идейное течение в отечественной общественной мысли, а его представители (М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, славянофилы и др.) были весьма далеки от практической политической деятельности, предпочитая посвящать свое время философскому осмыслению проблемы бытия Российского государства.

С началом XX века ситуация принципиально изменилась. Процессы модернизации, а точнее даже вестернизации, развернувшиеся в стране после Великих реформ 1860–1870-х годов, имели своим следствием глубокую трансформацию социально-экономической системы России, поставив на повестку дня вопрос и о политической модернизации Российской империи. Такое развитие событий побудило правых публицистов, ведущую роль среди которых в последней четверти XIX века играли М.Н. Катков, К.П. Победоносцев и Л.А. Тихомиров, поднять голос в защиту традиционных политических ценностей России. Консерваторы покинули свои уютные кабинеты в редакциях и усадьбах и с головой окунулись в неведомую дотоле борьбу. На смену философам приходили напористые практики с железной хваткой, политическими амбициями и жаждой общественного признания¹. Консервативное же общественное умонастроение, более ста лет почти не имевшее организационного оформления, в начале XX века начало обретать политическое оформление, вступая во взаимодействие с партиями правого спектра, получившими обобщенное имя «Черная сотня».

Политические оппоненты правых использовали словосочетание «Черная сотня» в качестве бранного ярлыка. Но сами монархисты не отказывались от этого имени, считая его почетным. Они усматривали прямую связь между народным ополчением 1612 года (основу которого составляли городские торговоремесленные объединения, платящие государевы подати, – «черные сотни») и консервативными партиями начала XX века. Так, один из авторов «Московских ведомостей» писал: «Я считаю за честь, что принадлежу к “черной сотне”, с гордостью беру на себя бросаемое вами нашей партии название “черносотенца” и надеюсь носить его с честью» [11].

¹ Следует подчеркнуть, что демонизация правых лидеров, успешно осуществленная оппозиционной публицистикой и закрепленная советской историографией, не имеет под собой никаких оснований. Справедливо мнение В.В. Кожина, согласно которому «лидеры правых партий по своим человеческим и политическим качествам ничем не хуже – хотя, быть может, и не лучше – лидеров других партий своего времени» [6а, с. 42].

Омелянчук Игорь Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.
E-mail: omeliyanchuk@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-11-33002.

Первой общественной организацией, вставшей на защиту монархии, стало «Русское собрание», официально «открывшее свои действия» 26 января 1901 года. В его составе доминировали представители столичной интеллигенции с аристократическими корнями, и высшего чиновничества. На начальном этапе организация не ставила перед собой политических задач, сосредоточив усилия на культурно-просветительской деятельности. Но усиление революционного движения побудило «Собрание» прийти «на помощь ясно осознаваемой всеми русскими людьми потребности объединения для дружного отпора все растущей смуте» [2, с. 195] и стать полноценной политической партией, насчитывающей 18 региональных отделов, расположенных преимущественно на окраинах империи (Одесса, Киев, Вильно, Радом и т.п.). В правом лагере «Русское собрание» играло роль интеллектуального штаба вплоть до января 1914 года, когда оно в силу ряда причин вновь отказалось «от участия в жизни политических партий и возвратилось к своему первоначальному уставу» [17, с. 12].

Вслед за правой интеллигенцией в рамках созданного в Москве в апреле 1905 года Союза русских людей (СРЛ) объединились и дворяне [7, с. 361]. С ноября 1905 года организацией руководил А.Г. Щербатов. И хотя он пользовался известным авторитетом в правом движении и был избираем почетным председателем нескольких монархических съездов, в отношении самого Союза этого сказать нельзя. СРЛ остался достаточно аморфным в организационном плане объединением московских интеллектуалов славянофильского толка, не имеющим значительного политического веса и практически не связанным со своими региональными отделами, которые со временем выработали собственные уставы, став самостоятельными организациями.

Почти одновременно с СРЛ «для борьбы с боевой партией конституционалистов» возникла и Русская монархическая партия (РМП) [10]. Организационным центром ее формирования стала газета «Московские ведомости», редактируемая В.А. Грингмутом, ставшим председателем партии. В течение 1906–1907 годов были открыты несколько десятков местных отделов, некоторые из них стали впоследствии самостоятельными. С 1908 года РМП была переименована в Русский монархический союз (РМС).

Вышеназванные партии представляли собой достаточно элитарные объединения, поэтому в правых кругах зародилась мысль о создании массовой партии, которая не только сможет эффективно противостоять нарастающей революции «на улице», но и будет обладать серьезным электоральным потенциалом на предстоящих выборах в созданную Высочайшим повелением Государственную Думу, с существованием которой черносотенцы как верноподданные монархисты вынуждены были согласиться, несмотря на их отрицательное отношение к парламентаризму. Такой организацией стал Союз русского народа (СРН), учрежденный 8 ноября 1905 года в Петербурге. У истоков новой партии стояли архимандрит Арсений, детский врач А.И. Дубровин, адвокат П.Ф. Булацель, купчиха Е.А. Полубояринова, инженер А.И. Тришатный, помещик В.М. Пуришкевич. Председателем Союза стал А.И. Дубровин. По сравнению с созданными ранее черносотенными организациями в СРН была значительно упрощена процедура приема новых членов и существенно снижена сумма членских взносов, что способствовало увеличению численности организации. В полицейском документе отмечалось: «Между... большими союзами раскинулась масса отделов и подотделов, до сельских включительно, и через них Союз Русского Народа, единственная политическая партия в России, имеет соприкосновение с действительно массою простого серого люда. Вот в чем кроется и действительная сила Союза и его живучесть» [21, с. 106].

В 1905 году во многих регионах страны под воздействием революционных событий возникали местные контрреволюционные организации. Большинство

из них оказалось «однодневками», быстро сойдя с политической сцены. Некоторые после создания СРН вошли в его состав, как, например, Курская народная партия и «Любарское общество людей, преданных престолу и отечеству» (Волынская губ.). Целый ряд региональных правых организаций вошли в состав СРН, сохранив при этом свое название (Астраханская народно-монархическая партия, Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия и др.). Некоторые региональные правые организации не только сохранили самостоятельность, но и расширили свои действия на соседние губернии, открыв там свои отделы, как, например, киевский «Двуглавый Орел». А созданное в 1906 году в Киеве «Содружество патриотических русских рабочих», впоследствии переименованное в Союз русских рабочих, вообще превратилось во всероссийскую организацию, имея свыше двадцати региональных отделов (в том числе в Петербурге), численность которых составляла не менее 30 тыс. человек.

Учебные заведения, в особенности университеты, также оказались ареной политической борьбы, в которой главным инструментом смуты стали забастовки. Консервативные же силы в университетской среде выступали против прекращения занятий, за «академический порядок». Поэтому монархические студенческие организации, действовавшие в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Казани и других городах, получили общее название «партий академического порядка». Впоследствии большинство этих партий вошло в состав Всероссийского национального студенческого союза (ВНСС), устав которого был утвержден 30 сентября 1909 года [27, с. 44, 121].

Наличие множества социальных перегородок в русском обществе способствовало возникновению различных правых организаций, выражающих консервативные политические устремления той или иной социальной группы. Существовали сословные («Кружок дворян, верных присяге»), молодежные («Двуглавый Орел»), женские («Общества русских женщин»), спортивные («Русский богатырь»), религиозные («Союз старообрядцев за Веру, Царя и Народность») и подобные им монархические организации. Если сословные организации вскоре прекратили свое существование, оказавшись не в состоянии активно влиять на политические процессы в силу узости своей социальной базы, то правые организации, созданные по профессиональному признаку (Союз русских рабочих), действовали более успешно, отражая назревшую потребность в создании профсоюзов, регулирующих взаимоотношения труда и капитала.

При анализе деятельности монархических организаций бросается в глаза разнообразие ее форм и направлений (устная и печатная пропаганда, выборы в Государственную Думу, борьба с забастовочным движением, создание сети учебных заведений, коммерческие предприятия, благотворительность и т.п.)¹. Но добиться решающих успехов ни на одном из них правым так и не удалось, что объясняется доктринальным характером черносотенных партий, для которых важнейшее значение имели идеологические принципы, порой противоречившие реальным потребностям, возникающим в процессе политической деятельности. Обусловленность тактических действий правых жесткими идеологическими рамками сузила для монархистов поле политического маневра и в значительной степени предопределила их конечную неудачу.

¹ Политический террор, о котором столь охотно писала оппозиционная пресса, никогда не занимал в деятельности правых партий сколько-нибудь значительное место. Число жертв черносотенного террора (мы к ним относим рабочего Мухина, вступившего в боевую дружину СРН в качестве агента РСДРП, членов Государственной Думы М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса и, возможно, А.Л. Караваева, то есть трех-четырёх человек) на три порядка (!) уступает числу погибших от рук революционеров-террористов – около 17 тысяч человек [1, с. 170, 218].

Несмотря на обилие программных установок монархических партий, можно выделить их общие положения, составляющие ядро идеологии черносотенного движения. Главные духовные ценности, лежащие в основе «русского государственного строения и народного быта», по мнению правых, наиболее полно выражались известной формулой графа С.С. Уварова «православие, самодержавие, народность». Трактовка первой и второй ее составляющих не вызывает сомнений: усиление ведущей роли Православной церкви в общественно-политической и духовной жизни страны и сохранение (или, после манифеста 17 октября 1905 года, даже восстановление) самодержавной власти монарха. В понятие «народность» вкладывался уже двоякий смысл: с одной стороны, оно означало сохранение русской национальной идентичности («самобытности»), иными словами – русский национализм, с другой – тесное единение царя с народом, то есть своеобразный патриархальный демократизм¹, который, по мнению правых, должен вновь стать характерной чертой политической системы России.

Ныне общепризнано, что одним из показателей эффективности всякой политической системы является наличие обратной связи между обществом и властью. Именно эту связь и пытались создать монархисты, выступая за «тесное единение царя с народом». Правда, в вопросе о способах осуществления этого единения консерваторы так и не смогли прийти к единому мнению.

Если российские либералы в ответ на вызовы времени не нашли ничего лучшего, как позаимствовать, порой без должного критического осмысления, опыт европейских стран, не всегда соответствовавший потребностям страны и русской политической традиции, то консерваторы попытались предложить свой, «самобытный» путь развития, представлявший собой не выбор между «Востоком» и «Западом», а признание самодостаточности независимого российского цивилизационного пространства. В основание его правые закладывали традиционные ценности аграрного общества (коллективизм, патернализм, ведущую роль церкви в духовной жизни страны), соединенные с некоторыми элементами индустриального (развитие промышленности, расширение гражданских свобод), и все это скрепляли цементом русского национализма. Несмотря на определенную эклектичность, а в некоторых вопросах и откровенную реакционность, черносотенная идеология отвечала чаяниям и духовным потребностям значительной части населения Российской империи, свидетельством чему служит поддержка правых кандидатов на выборах в Государственную Думу избирателями всех курий, чего так и не удалось добиться политическим оппонентам консерваторов.

Однако распространение монархических идей в широких народных массах, в силу продолжавшейся радикализации общества, имело ограниченные успехи, так как правые, связанные рамками консервативной идеологии, не могли обещать населению быстрых социально-политических перемен, чем злоупотребляли их противники. Кроме того, в черносотенной идеологии немало было и откровенно слабых мест. Не признавая факта вступления России на путь индустриального развития, монархисты акцентировали свое внимание на социальных группах уходящего общества: крестьянах, помещиках, купцах, мещанах, ремесленниках. При этом реального пути решения главного вопроса русской общественной жизни – аграрного – ими так и не было предложено. В национальном вопросе лозунги правых о культурной автономии не могли соперничать с требованием права наций на самоопределение, выдвигаемым оппозицией. А использование антисемитизма в политической борьбе не могло не привести к

¹ По оценке такого конкурента черносотенства в борьбе за «массы», как В.И. Ленин, «самый грубый, но и самый глубокий» [8, с. 18].

известной маргинализации черносотенного движения и его бойкоту со стороны других политических сил.

Тем не менее черносотенцы являлись самым массовым политическим движением в России в период между двумя революциями. Один из лидеров «Русского собрания» Н.А. Энгельгарт в начале 1906 года писал: «Черносотенное движение разливается по стране неудержимым половодьем» [28, с. 192]. По подсчетам С.А. Степанова, к 1907 году в 2208 населенных пунктах Российской империи действовало 2229 отделов различных монархических организаций (из них 2124 отдела СРН) [25, с. 193]. Они насчитывали в своих рядах около 410 тыс. человек (из них 358 758 членов СРН) [23, с. 106]. Однако Главный совет Союза уже в декабре 1906 года говорил о «сплоченной трехмиллионной массе» своих однопартийцев [20], а к 1911 году насчитывал в стране «более 4000» отделов СРН [3].

Причиной массовости черносотенства, как, впрочем, и других политических движений в России начала XX века, стало наличие многочисленных маргинальных социальных групп, возникших в результате глубоких социальных изменений, вызванных бурным ростом промышленности и урбанизацией страны. В первую очередь это переселившиеся в города крестьяне и разночинная интеллигенция. Эти слои населения в силу неустойчивости своего положения и вызванного этим социального беспокойства были особенно политически активны. Те из них, кого устраивал нынешний, с таким трудом приобретенный, но непрочный статус, для его сохранения стремились к твердому порядку и стабильности, что приводило их в черносотенный лагерь. Те же представители маргинальных групп, кто испытывал неудовлетворенность своим положением, оказались на стороне оппозиции. Модернизационные конфликты, обострившиеся в российском обществе в начале XX века, в первую очередь кризис идентичности (потеря привычных духовных ориентиров), кризис участия (смена привычных форм вовлечения населения в политический процесс) и в меньшей степени – кризис легитимности (несоответствие целей и ценностей правящего режима с представлениями граждан), повышали уровень политизации населения и способствовали рекрутированию в ряды «Черной сотни» адептов традиционализма.

Революционное движение своей пропагандой не могло не затронуть свойственные традиционному обществу архетипы общественного сознания и основанные на них социальные нормы. Их насильственное разрушение порождало социальный страх, беспокойство, а также вызывало проблемы самоидентификации личности, ее привязки к какой-либо устойчивой социальной группе, к каким-либо абсолютным ценностям, следствием чего явился рост национализма как наиболее простого способа идентифицировать себя с достаточно стабильным социальным образованием.

Среди базовых структур сознания, подвергшихся наиболее мощному давлению со стороны революционного движения, в первую очередь следует выделить архетип «Святой Руси», лежавший в основе менталитета почти ста миллионов православных подданных империи. Архетип «Великой державы», был атакован и русской революционной пропагандой, и окраинными национальными движениями. Сыграло свою роль и поражение в Русско-японской войне, задевшее национальное достоинство русского человека. Критика в адрес института самодержавной монархии и самого императора, традиционно в России выполнявшего патронажную функцию по отношению к низшим слоям населения, была направлена на разрушение архетипа «Царя-батюшки».

Такое вторжение революционной пропаганды в тонкие психические структуры человека зачастую порождало обратную реакцию, создавая тем самым почву для консервативного политического движения, среди идеологических

приоритетов которого были «порядок» (сохранение привычного уклада жизни), «государство», «нация». Обращение правых к основным архетипам русского национального сознания, нашедшим свое отражение в уваровской формуле «православие, самодержавие, народность», позволило монархистам создать Всесословное политическое движение, объединившее десятки различных политических и общественных организаций.

Однако массовость черносотенного движения имела и обратную сторону. Разнообразие властно значимых интересов различных слоев общества, представленных в движении, затрудняло выработку единой политической линии, которую поддержали бы представители всех социальных групп, входивших в правый лагерь, хотя на начальном этапе это компенсировалось общим контрреволюционным подъемом, сглаживавшим противоречия в правом лагере. На этой эмоциональной волне были предприняты попытки его консолидации (которые, впрочем, не привели к желаемому результату). Первый шаг сделала Русская монархическая партия, ставшая инициатором объединения правых организаций под эгидой созданного в Москве в январе 1906 года Всенародного русского союза (ВРС), в состав которого вошли 22 организации [13; 19, л. 173; 17, с. 665], «исповедующие Православную веру, нерушимость самодержавной власти Государя и единство Русской Земли» [12]. Устав Союза, зарегистрированный 26 августа 1906 года, содержал только самые общие положения, которые не могли бы вызвать споров между различными правыми организациями на почве идеологии: «а) Манифестом 17 октября не введена конституция и самодержавная власть остается в силе. б) Россия составляет одно нераздельное целое под властью Неограниченного Самодержавного Царя. в) Ни под каким видом или наименованием не должен быть допущен созыв учредительного собрания» [19, л. 168]. Но даже такое весьма условное объединение монархических организаций оказалось нежизнеспособным, и, по сведениям МВД, в ноябре 1906 года ВРС прекратил свою деятельность [19, л. 181].

Эстафету подхватило уже упоминавшееся выше «Русское собрание», объединявшее в своих рядах лучшие интеллектуальные силы монархистов. В феврале 1906 года в Петербурге был проведен съезд этой организации, в котором приняли участие и другие монархические союзы. Съезд принял платформу соглашения между правыми партиями и наметил форму объединенных местных организаций. Спустя два месяца в Москве состоялся II Всероссийский съезд русских людей (первым стал считаться съезд «Русского собрания»). Этот съезд не решил проблемы объединения правых, но тем не менее был заложен фундамент для следующего, третьего съезда, состоявшегося в Киеве в октябре 1906 года, на котором было принято решение о создании координационного органа правых – Главной управы Объединенного русского народа. В нее вошли А.И. Дубровин от СРН, М.Л. Шаховской от «Русского собрания» и кооптированный ими протоиерей Иоанн Восторгов, представлявший Русскую монархическую партию и Всенародный русский союз [7, с. 420]. Но так как не все организации согласились беспрекословно подчиняться единому центру, было решено, что «деятельность управы не должна носить властный характер, сообщаемые ею местным организациям предположения, исполняются последними только в случае, если они ими одобрены» [26, с. 184]. На местах создавались аналогичные коалиционные объединения – губернские управы. «Наиболее целесообразной» делегаты съезда признали программу СРН, постановив, что она «должна быть разослана для ознакомления с нею всем единомышленным организациям, в надежде, что они сами постепенно к ней присоединятся» [26, с. 186]. IV съезд Объединенного русского народа (Москва, апрель 1907 года) постановил, что «ввиду преобладающего значения СРН... союзу этому предоставляется забота о возможном объединении остальных монархических организаций» [7, с. 425].

Однако часть правых (в основном киевляне и москвичи) выступила против такой организационной экспансии СРН. Представитель Москвы И.И. Восторгов в декабре 1907 года выдвинул свой проект объединения правых сил, согласно которому монархический лагерь должен возглавить реанимированный для этой цели Всенародный русский союз, уже более года бездействовавший. А.И. Дубровину И.И. Восторгов предложил пост постоянного председателя Совета Всенародного русского союза [24, с. 129–130]. Но этот проект А.И. Дубровиным был отклонен.

Если в 1905–1907 годах правительство весьма лояльно относилось к правым партиям, видя в них надежных союзников в борьбе со смутой, то после «третьеиюньского переворота» союз власти с монархистами практически распался. Причины этого лежат сразу в нескольких плоскостях: во-первых, ортодоксальные правые «дубровинского» толка не вписывались в политическую систему «думской монархии» в силу их скептического отношения к парламентаризму; во-вторых, курс правительственных реформ, направленных на укрепление капиталистических отношений в экономике страны, в том числе в сельском хозяйстве (Столыпинская аграрная реформа), противоречил как экономическим интересам правых, так и их традиционалистской ментальности; и, наконец, в-третьих, черносотенцы отнюдь не были абсолютно лояльны к петербургскому «бюрократическому режиму», объявив его главным препятствием, мешающим единению царя с народом, и предлагая различные способы его реформирования, заслужив тем самым прозвище «революционеров справа».

Правительство в свою очередь не упустило возможности воспользоваться внутренним конфликтом в правом лагере для его ослабления. Во время избирательной кампании в III Думу умеренная часть Союза, возглавляемая В.М. Пуришкевичем и И.И. Восторговым, согласилось «с предложением бюрократии проводить в Государственную Думу октябристов» [17, с. 577] (то есть вступить с ними в предвыборную коалицию). Главный совет СРН во главе с председателем А.И. Дубровиным в ответ запретил отделам Союза вступать в блок с «партиями, стремящимися к ограничению Царского Самодержавия», и отказался от использования на выборах правительственных денег, «так как правительство не имеет нравственного права тратить народные деньги, дабы создать при помощи Союза Русского Народа октябристскую Думу» [4, л. 11 – 11 об.]. Тактические разногласия, были усугублены личным конфликтом между А.И. Дубровиным и В.М. Пуришкевичем, также претендовавшим на лидерство. Следствием этого стал выход последнего из СРН и появление в ноябре 1907 года новой партии – Русского народного союза имени Михаила Архангела (СМА), созданием которого В.М. Пуришкевич, выполняя «заказ» правительства, пытался приспособить правую организацию к политической деятельности в условиях «думской монархии». Но, несмотря на правительственную поддержку, СМА, учрежденный как парламентская партия, даже не смог создать в Думе собственной фракции. Да и полноценной заменой Союзу русского народа СМА так и не стал. Его численность была на порядок ниже, количество выданных членских билетов не превысило 20 тыс. [22, с. 185].

Если раскол СРН 1907 года и создание СМА стали следствием личного конфликта в руководстве Союза, то раскол СРН 1909 года имел более глубокие, социальные причины. Входящие в состав Союза представители высших слоев, в первую очередь помещики, образовали так называемое «обновленческое» течение, примирившееся с существованием третьеиюньской политической системы, символами которой стали Государственная Дума и аграрная реформа П.А. Столыпина. Лидерами «обновленцев» стали Н.Е. Марков 2-й и С.А. Володимиров, к которым присоединился и В.М. Пуришкевич. На противоположной стороне оказались входившие в состав СРН представители среднего и бедного

крестьянства, недовольные столыпинской политикой разрушения общины, в которой они видели эффективный инструмент своей социальной защиты, рабочие (в большинстве своем недавние выходцы из деревни), оказавшиеся «пасынками» правительства, представители мещанства, которому не было места в социальной системе капиталистической России, а также часть интеллигенции с традиционалистским мировоззрением. Характерной чертой этого течения, возглавляемого А.И. Дубровиным, стало неприятие третьеиюньской политической системы и Государственной Думы, являющейся ее институциональным выражением.

Летом 1909 года сторонники Н.Е. Маркова 2-го обновили состав Главного совета СРН и добились в нем численного преобладания (отсюда и термин «обновленцы»), а А.И. Дубровин, сложивший с себя в июне 1910 года обязанности председателя, стал инициатором создания новой организации – Всероссийского Дубровинского СРН, конституированного в ноябре 1911 года. Между двумя партиями началась борьба за контроль над региональными отделами. Большинство низовых организаций встали на сторону А.И. Дубровина. «Марковский» Главный совет СРН не нашел ничего лучшего, как закрыть не желающие подчиняться отделы. «Дубровинцы» в ответ превращали филиалы Союза в самостоятельные организации («Тверской СРН», «Ковровский СРН» и т.п.) с последующим подчинением их ВДСРН.

Большинство монархистов считало, что расколы в Союзе были инспирированы П.А. Столыпиным, стремившимся превратить умеренную («обновленческую») его часть в лояльную к власти партию парламентского типа, а крайне правую «дубровинскую» (не вписавшуюся в третьеиюньскую политическую систему) – в политических маргиналов, не способных дестабилизировать режим «думской монархии». Даже Н.Е. Марков впоследствии утверждал, что П.А. Столыпин «всячески через своих подчиненных поддерживал рознь в Союзе», правда, отрицая при этом, что симпатии главы правительства были на стороне «обновленцев» [15, с. 194–195].

Нейтрализуя опасного неконвенционального противника в лице СРН, правительство не оставляло надежд на создание влиятельной проправительственной монархической партии парламентского типа для защиты своих интересов в Думе («партии власти»). Летом 1908 года на базе думской фракции националистов был конституирован Всероссийский национальный союз (ВНС), председателем которого был избран С.В. Рухлов. Близкая по взглядам к националистам, фракция умеренно-правых стала основой для создания летом 1909 года одноименной партии, председателем которой стал П.Н. Балашов. Если мнения исследователей о роли правительства в создании этих политических структур разделились, то влияние П.А. Столыпина на их последующее сближение практически не оспаривается. Во всяком случае, в январе 1910 года умеренно правые и националисты объединились в рамках ВНС, занявшего откровенно проправительственную позицию. Председателем Союза стал П.Н. Балашов. Основное отличие умеренно-правых националистов от крайне правых заключалось в признании ими парламентаризма в качестве принципа государственного строительства. При этом программа ВНС провозглашала одновременно и незыблемость законодательной власти самодержавного царя. В составе Союза ведущую роль играли представители высших слоев, в первую очередь националистически настроенные русские помещики и интеллигенция юго-западных окраин империи. Благодаря поддержке правительства и наличию в рядах партии представителей интеллектуальной и финансовой элиты, националистам, несмотря на узость социальной базы, удавалось оказывать существенное влияние на результаты думских выборов и, соответственно, на работу самой Думы.

Спад накала политического противостояния в обществе после выборов в IV Думу привел к заметному снижению активности всех политических партий, в том числе и монархических. Их деятельность утрачивает быллой размах, многие лидеры правых (А.И. Дубровин, Б.В. Никольский, А.И. Соболевский, А.Г. Щербатов и др.) отходят от политической деятельности. Однако начало Первой мировой войны и сопровождавший его патриотический подъем привели к некоторому оживлению деятельности монархистов, направивших свои усилия на оказание помощи армии сбором пожертвований, открытием лазаретов и т.п. Например, председатель СМА В.М. Пуришкевич фактически сложил с себя полномочия руководителя партии и создал собственный санитарный отряд, деятельность которого удостоилась похвалы Николая II. Вернувшийся к общественной деятельности А.И. Дубровин 22 октября 1914 года выступил с призывом организовать сбор средств на нужды войны «и осуществить помощь Отечеству в более широких размерах, сообразно тем новым тяготам, которые выпали на долю Святой нашей Родины» [18, с. 436]. Его примеру последовал А.И. Соболевский, активно участвовавший в сборе средств для оказания помощи фронту.

В ходе войны меняется внешнеполитическая ориентация русских монархистов. По свидетельству французского посла М. Палеолога, «крайне правая» вплоть до начала войны «проповедовала соглашение с германским императором» с целью «усилить православный царизм тесным союзом с прусским самовластием» [16, с. 66, 67] (советская историография поясняла это классово-солидарностью прусских юнкеров и русских помещиков, стоявших во главе черносотенного движения). Однако после начала войны монархисты переходят на англофильские позиции, всячески отрекаясь от своей прежней внешнеполитической линии. Ярким примером является эволюция взглядов В.М. Пуришкевича [5, с. 222]. Правда, некоторые черносотенцы впоследствии вновь пересмотрели свои взгляды. Так, в феврале 1915 года Департамент полиции сообщал, что среди правых возникло течение, выступающее за сепаратный мир с немцами из опасения, что «окончательный разгром Германии вызовет в последней государственный переворот, который в свою очередь неблагоприятно отразится и на монархических устоях в России, где под влиянием Германской республики может тогда же вспыхнуть вторичное революционное движение» [6, с. 379]. Наиболее известным представителем таких неогерманофилов был А.И. Дубровин. Издаваемое им «Русское знамя», по словам современников, «вело себя очень часто как “Прусское знамя”» [9, с. 298]. Его соратник П.Ф. Булацель также критиковал проанглийские настроения в обществе и даже высказывался в том духе, что одним из следствий сближения с Великобританией может стать превращение России в английскую колонию.

Поражения русской армии весной-летом 1915 года своим следствием имели активизацию оппозиции, создавшей весьма многочисленный Прогрессивный блок в Думе, что, в свою очередь, поставило на повестку дня вопрос о возвращении правых к активной политической деятельности и консолидации их рядов. Первый шаг сделали московские монархисты, один из лидеров которых В.Г. Орлов и редактор правой газеты «Колокол» В.М. Скворцов при финансовой поддержке правительства создали новую организацию – Отечественный патриотический союз (ОПС), в состав которого вошли «58 провинциальных и столичных отделов прежних монархических организаций», в основном СРН и СМА [18, с. 443]. Устав ОПС, в отличие от других правых партий, допускал прием в Союз «инородцев», в том числе и евреев, что дало повод ортодоксальным черносотенцам обвинить его лидеров в измене правому делу и подвергнуть обструкции. Таким образом, созданный в целях объединения правого лагеря ОПС лишь усугубил его раскол.

Еще одну попытку объединить правых предприняли «дубровинцы» – председатель Одесского СРЛ Н.Н. Родзевич и лидер Астраханской народной монар-

хической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий, выступившие с инициативой проведения общего монархического съезда. Правда, сам А.И. Дубровин считал, что в настоящее время «съезд совершенно бесполезен, особенно при том разногласии и раздорах», которые переживал правый лагерь [18, с. 466]. Общий съезд, действительно, провести не удалось, вместо него осенью 1915 года было проведено два «совещания»: в Петрограде (21–23 ноября), организованное сторонниками Н.Е. Маркова 2-го, и в Нижнем Новгороде (26–29 ноября), где собрались приверженцы А.И. Дубровина. «Марковцы» сделали шаг навстречу своим оппонентам, избрав их вождя в созданный на петроградском совещании Совет монархических съездов, а сам Н.Е. Марков 2-й даже появился на съезде «дубровинцев» в Нижнем Новгороде. Правда, импульс к этому примирению исходил извне, от властей, заинтересованных в объединении правых в качестве противовеса либеральному Прогрессивному блоку. По словам товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого, «А.Н. Хвостовым и мною было устроено примирение А.И. Дубровина с Марковым» [14, с. 129]. Однако «дубровинцы», менее склонные прислушиваться к мнению властей, на своем совещании в Нижнем Новгороде, несмотря на присутствие там Н.Е. Маркова 2-го, встречного шага не сделали, и лидер «обновленцев» в созданный на этом совещании президиум монархического движения введен не был. Правда, в дальнейшем наметилось сближение позиций враждующих сторон. Н.Е. Марков 2-й и А.И. Дубровин в течение 1916 года не раз выступали с совместными заявлениями в печати и даже намеревались провести общий монархический съезд в Москве, однако до объединения дело так и не дошло, и Февральскую революцию правый лагерь встретил, по-прежнему раздираемый противоречиями.

Таким образом, появление черносотенного движения знаменовало собой новый институциональный этап в развитии русского консерватизма, представлявший собой попытку практической реализации «снизу» теоретических положений, разрабатывавшихся в России с конца XVIII века. Необходимым условием перехода на этот этап стала общемировая тенденция повышения степени влияния населения на политические процессы посредством участия в деятельности политических партий, проявившаяся на рубеже XX века и в России.

Черносотенное движение возникло как боевая организация традиционалистов, призванная дать отпор революции. Но со временем монархические партии приблизились к типу парламентских. Именно такая эволюция, направляемая действиями правительства, привела к расколу самой многочисленной правой организации – Союза русского народа, часть которого так и не смогла примириться с существованием парламента в России. Такое явление характерно для всей «Черной сотни». Правые партии, не сумевшие приспособиться к новым условиям «думской монархии», первыми оказались на обочине политической жизни Российской империи.

Объективно черносотенцы защищали в первую очередь интересы господствующих социальных групп, но на их идеологических знаменах не было сословных или классовых лозунгов, а постулируемые ими ценности, основанные на христианской этике и национальной культурной традиции, носили универсальный характер. Однако отсутствие в российском обществе по вине высших классов даже тени социального партнерства привело к тому, что узкогрупповые интересы возобладали и ряды черносотенного движения начали покидать представители различных сословий, привлеченные идейными установками партий, имеющих более узкую социальную базу и потому более полно выражающих классовые и групповые интересы своих членов. Таким образом, черносотенство продемонстрировало невозможность создания политического движения, артикулирующего властно значимые интересы абсолютно всех общественных классов и социальных групп.

Кроме того, монархисты оказались перед объединенным фронтом социалистического, либерального и национально-освободительного движений. Хотя эта коалиция и не отличалась прочностью и долговечностью, все же на определенном этапе все три ее составляющие преследовали единую цель, что и обусловило поражение консервативно-охранительных сил. Кроме того, патриархально-патерналистские («Царь-батюшка», «мир-община») и христианский («Святая Русь») архетипы, служившие основой мировоззрения черносотенства, не могли устоять под напором атеистической и индивидуалистической модернизации российского общества конца XIX – начала XX века. Разрушение этих фундаментальных для традиционной русской ментальности архетипов своим следствием имело уменьшение популярности монархических идей и ослабление правого лагеря.

В начале XX века черносотенцы служили главной (а иногда и единственной) опорой самодержавия и явились тем субъективным фактором, который позволил царизму выдержать натиск революции 1905–1907 годов. В борьбе за сохранение существующей политической системы у черносотенцев было два могучих союзника: самодержавное государство и Православная церковь. Эти три силы составили своего рода триумvirат, каждый член которого мог сохранять status quo лишь при поддержке двух других. Именно поддержка церкви и государства позволила черносотенному движению приобрести такой размах и массовость. Но в то же время конфликт внутри этого триумvirата, выразившийся в резком охлаждении отношений правых партий и правительства после 1907 года, ослабил всю коалицию и предопределил ее гибель в пламени будущей революции.

Литература

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.
2. Деятельность обществ // Мирный труд. 1903. № 5.
3. Вестник Союза русского народа. 1911. 2 июля.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 1.
5. Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. СПб., 2011.
6. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.
- 6а. Кожин В.В. Загадочные страницы истории XX в. М., 1995.
7. Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Вып. 5. СПб., 1914.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. М., 1961.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. М., 1961.
10. Московские ведомости. 1905. 8 октября.
11. Московские ведомости. 1906. 1 января.
12. Московские ведомости. 1906. 6 января.
13. Московские ведомости. 1906. 12 января.
14. Падение царского режима. Т. IV. Л., 1925.
15. Падение царского режима. Т. VI. Л., 1926.
16. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: Пер. с фр. 2-е изд. М., 1991.
17. Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910. М., 1998.
18. Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917. М., 1998.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. 1906 г.
20. Русское знамя. 1906. 5 декабря.
21. Союз русского народа по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929.
22. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920). М., 1977.
23. Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914). М., 1992.
24. Степанов С.А. Черная сотня. М., 2005.
25. Степанов С.А. Численность и состав черносотенных союзов и организаций // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987.
26. Третий Всероссийский съезд русских людей: Протоколы. Киев, 1906.
27. Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994.
28. Энгельгарт Н. Черная маска. // Мирный труд. 1906. № 2.

Аннотация. В статье рассмотрена первая попытка партийного самоопределения русского консерватизма в рамках возникшего в 1901 году черносотенного движения, а также причины его краха в 1917 году.

Ключевые слова: Российская империя, черносотенное движение, монархические организации, консерватизм.

Igor Omelyanchuk, Ph.D. in History, Professor, A.G. and N.G. Stoletovs Vladimir State University. E-mail: omeliyanchuk@mail.ru

Russian Conservatism Searching for Party Self-Determination in the Early Twentieth Century

Abstract. The article describes the first attempt to institutionalize Russian conservatism made by the Black Hundreds, which emerged in 1901, and the reasons for the failure in 1917.

Keywords: Russian Empire, Black Hundreds, Monarchist Organizations, Conservatism.